

Андрей Геннадьевич Мясников

г. Пенза, e-mail: myasnikov-g@mail.ru

РАСКОЛДОВЫВАНИЕ РУССКОГО МИРА ПРОДОЛЖАЕТСЯ: ФЕНОМЕН ПАВЛА НОВГОРОДЦЕВА

Научное познание, по словам известного немецкого социолога Макса Вебера, постоянно занято «расколдовыванием мира», поиском рациональных объяснений всего происходящего, т.е. поиском таких объяснений, которые были бы убедительны для всех разумных существ. Для философии эта задача является очень трудной, потому что она сама должна постоянно подтверждать свою научность, чтобы не быть только субъективным умствованием или способом идеологического обоснования каких-либо частных убеждений или верований. Философия, тяготеющая к научности, может предложить свой способ «расколдовывания мира», при этом полагаясь на общечеловеческую рациональность, исторический опыт и знания смежных наук.

Процесс «расколдовывания мира» с морально-психологической точки зрения может восприниматься как ужас и как освобождение. Его ужасность (декаданс, аномия) связана с потерей прежних ценностей, идеалов и разочарованием в прежних авторитетах и кумирах. Рациональный скепсис рассеивает чары религиозно-мифологических фантазий и мистических видений, и нередко вызывает неприятные и болезненные состояния. Этот ужас может сопровождаться пониманием безбожности мира и вседозволенности (например, у Ф. Достоевского или Ф. Ницше). Такая негативная (нигилистическая) свобода предназначена разрушать старые, отжившие формы, расчищать забитые всяким ненужным хламом «погребам памяти» и открывать пространства для новых возможностей познания и деятельности. Так, от полудетского ужаса «расколдовывания мира» мы переходим к освобождению, к новому морально-психологическому и интеллектуальному состоянию – осмысленному желанию жить по своему, по собственным понятиям и принципам. С философско-педагогической точки зрения – это сложный процесс интеллектуально-волевого и социально-политического взросления человека и всего общества, постепенный переход к новым ступеням самостоятельности [2].

С научно-теоретической точки зрения, «расколдовывание мира» – это не категорический отказ от мифо-поэтического восприятия и объяснения окружающего мира, а признание возможности такого восприятия и объяснения как одного из возможных способов человеческого «освоения» действительности (Э. Кассирер «Философия символических форм», К. Хюбнер «Истина мифа»), но не единственного, и не единственно правильного понимания мира. Оно предполагает обнаружение возможных конкурирующих мировосприятий и мировоззрений, сосуществующих в одном пространстве и времени. А также предполагает рационально-критическое сравнение аргументов разных мировоззрений с целью нахождения наиболее убедительных оснований, способных претендовать на всеобщность и необходимость, т.е. на научность, а также на большую полезность для современной жизни.

Для современной практической философии важно обратить внимание на возрождающийся идеологический проект «русского мира», чтобы выяснить его мировоззренческие основания и показать возможные перспективы его реализации [5]. По сути, это и будет задача, связанная с «расколдовыванием русского мира». Чтобы начать это научное исследование, нужно найти наиболее характерный способ описания изучаемого явления, который бы принимался и воспроизводился бы разными авторами, представителями этого культурно-исторического мира. Значит, мы должны найти образец типичного понимания «русского мира», который позволил бы нам предпринять научно-философский анализ.

По моему мнению, таким образом может служить религиозно-философское мировоззрение известного русского правоведа Павла Ивановича Новгородцева, который, кстати, был современником Макса Вебера, и в настоящее время является очень авторитетным мыслителем как для сторонников «русского мира», так и для их противников. Для первых

важным является позднее творчество русского мыслителя, связанное с его религиозными исканиями, а вторые опираются на либерально-демократический период его научной деятельности. Таким образом, творчество П. Новгородцева интересно во многих отношениях:

1) он начинал своё научно-философское творчество как либеральный правовед-неокантианец, а закончил как консервативный, православный богослов [1];

2) он предвосхитил «белый реванш» в России, состоявшийся через 100 лет после Великой русской революции 1917 года;

3) в своих поздних статьях он чётко представил существо «русского мира» как характерную модель православного устроения, которая сейчас активно возрождается в российском обществе [4].

Какой же проект будущей России предложил П.И. Новгородцев 100 лет назад? В сжатом виде он выражен в следующем утверждении: «Прогрессивное развитие должно сочетать старое с новым, благоговейное почитание святынь с творчеством новой жизни» [3]. В основе этого проекта лежит диалектическая идея преемственного социально-исторического развития, которая имеет современное звучание в виде популярного слогана «сохраняя прошлое – создаём будущее».

При внимательном рационально-критическом осмыслении этого проекта возникают серьёзные вопросы:

Всё ли нужно сохранять из прошлого? Какие «святыни» должны быть приняты за образцы для подражания? Не будет ли свободное творчество неизбежно противоречить этим «святыням», и расширять прежние границы? Итоговый вопрос: на каких основаниях будет осуществляться преемственность от прошлого к настоящему и будущему?

Попробуем разобраться с поставленными вопросами.

1. Очевидно, что сохранять всё из прошлого глупо, бессмысленно и даже вредно, ведь в прошлом было много чего плохого, вредного и опасного. Пожалуй, сохранять нужно лучшее. Для Новгородцева – это лучшее предстаёт в виде «святынь», которые заслуживают благоговейного почитания.

2. Если сохранять нужно лучшее, которое должно выступать в качестве образца для подражания или «святынь», то требуется рациональный анализ, чтобы определить положительное содержание этих образцов и отличить их от ненужных и вредных обычаев и суеверий. Каковы эти критерии лучшего? Вопрос очень трудный. Новгородцев не решается на него отвечать, полагаясь на совершенство религиозной традиции, которая сохраняет себя многие века, и как бы на исторической практике доказывает свою правильность. Попробуем условно принять этот исторический аргумент Новгородцева, чтобы выйти к 3 вопросу.

3. Опора на традиции, и особенно на религиозные, предполагает общую консервативную настроенность сознания, которое будет настороженно и даже негативно относиться ко всему новому и непривычному, что не укладывается в жёсткие рамки религиозно-догматической традиции. Ведь «святыни» не терпят критического отношения к себе, а предполагают безусловное доверие и почитание. Возможно ли тогда совместить свободное творчество, часто нарушающее привычные нормы и границы, с жёсткими рамками религиозной, православной традиции, чтобы достичь общественного прогресса? И как это сделать? Как показывает исторический опыт, модернизационные проекты в России, начиная с Петра Великого, сопровождались борьбой с архаичными религиозными традициями, а большевистский проект вообще был атеистическим. Трудность этого вопроса, и его возможная неразрешимость, будет более понятна при рассмотрении итогового, четвёртого вопроса.

4. Какие же основания (средства) для преемственного, диалектического развития российского общества предполагает Новгородцев? Внимательный анализ самой статьи, и других поздних сочинений русского правоведа позволяет выявить целый комплекс идейных оснований и мировоззренческих установок, характерных для традиционного консервативного типа мышления. Из его размышлений следует:

Общий (государственный) интерес важнее личного. При этом Новгородцев даже допускает сравнение отдельного (автономного) человека с «пылью», если тот отрывается от своего народа и государства («от коллектива»).

Духовное важнее материального. Для юриста такая мировоззренческая установка является несколько странной, свидетельствующей о явной религиозной ангажированности и предубеждённости, не имеющей научного обоснования. Поэтому и странным кажется практический вывод Новгородцева о том, что «только любовь к своему общенародному достоянию, к своей культуре, к своему государству исцелит и всех нас, и Россию от безмерно тяжких испытаний».

Религиозная мораль важнее права и автономной морали. В этой традиционной установке проявляется романтический утопизм, который вытекает из крестьянской общинной морали. Новгородцев призывает «искоренить из своего сердца эгоизм» (требующий права) во имя высшей идеальной связи со своим народом и государством. Он призывает к «самозабвенному и благоговейному склонению» перед родиной и её святынями. Автономная мораль, по его мнению, порождает отщепенство и ведёт к распаду традиционного социума. Именно религиозная мораль учит рассматривать государство как «дело Божье», которому должны быть подчинены все «пылинки», чтобы обрести в этом сакральном целом свою силу и высшее значение. Новгородцев поясняет: «Истинный патриотизм утверждается на одинаковом подчинении всех частей народа идее государства как дела Божьего».

Традиция важнее новации. Эта традиционная консервативная установка свидетельствует о том, что сохранение государства в любых его формах (даже деспотической) является приоритетным для русского правоведа. Он утверждает, что нужно «искоренить отщепенство от государства» из общественного сознания через обязательную веру в религиозные святыни. Из этого следует, что новации и любое свободное творчество, особенно нравственно-религиозного и политико-правового характера, должно быть под жёстким контролем со стороны государственных институтов, включая церковные, чтобы не допустить расшатывания вековых традиций. Будет ли тогда возможным обновление общественной жизни и прогрессивное развитие? Наверное, нет.

Религиозная вера важнее знаний. По мнению Новгородцева, разум и воля человека ограничены в своих возможностях, и не могут претендовать на всеведение и всемогущество; они лишь могут усилить в человеке гордыню («гордое самообольщение ума человеческого»). Поэтому необходимо обуздать амбиции разума и подчинить его религиозной вере, иначе разум может прийти к атеизму и вседозволенности, которые разрушают устаревшую государственность. В этой установке русский правоведа явно отказывается от рационального, научного способа мышления и демонстрирует догматично-консервативное умонастроение, которое по своей сути является феодальным, и не соответствующим новой эпохе ускоренной модернизации. Историческим подтверждением этого является массовый отказ российского общества от прежней религиозности после революции 1917 года.

Итак, подводя некоторый итог анализу мировоззренческих оснований П. И. Новгородцева, мы можем отметить явный конфликт между его декларативными либерально-демократическими целями в виде признания свободы, достоинства каждого человека и консервативно-феодальными средствами достижения этих целей. Этот конфликт достаточно типичен для российских интеллектуалов и общественно-политических деятелей, и каждый раз приводит к тому, что намечаемые цели (казалось бы, хорошие, человеческие) остаются не реализованными. Очевидно, что *причина этого в несоответствии средств намеченным целям*. Так, если средства являются традиционными, догматичными, устаревшими, то и достигаемые ими результаты будут соответствовать именно этим реальным средствам, а не предполагаемым, идеальным целям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жуков, В. Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму : монография / В. Н. Жуков. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – С. 270–296.
2. Мясников, А. Г. Право на ложь как ловушка для свободы / А. Г. Мясников // Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 174–186.
3. Новгородцев, П. И. О путях и задачах русской интеллигенции / П. И. Новгородцев. – URL: <http://www.vehi.net/deprofundis/novgorodcev.html>
4. Новгородцев, П. И. Существо русского православного сознания / П. И. Новгородцев // Православие и культура : сб. ст. под ред. В. В. Зеньковского. – Берлин : Русская книга, 1923. – С. 6–23.
5. Смыслы и ценности русского мира : сб. ст. и материалов круглых столов, организованных фондом «Русский мир» / под ред. В. Никонова. – Москва, 2010.